

Обратное преобразование

Арно Сэ

Арно никогда не представляет себе, как он уедет из монастыря, для него это что-то дикое и небывалое - а потом хлоп, стремительно принятое решение, столь же стремительная смена декораций, и вот уже Сэ сидит в аэропорту, и на одном колене у него стакан с кофе, а на другом плотная стопка черновиков. Где-то на восемьдесят процентов соображения Арно терзает двойные интегралы, какой-то совсем крохотной частью мозга изредка вспоминает, что надо все же продолжать пить кофе, пусть тот и остыл уже давным-давно, и оставшимися процентами двадцатью перебирает, с кем он в монастыре попрощаться как следует не успел, когда вдруг схватил ноги в руки и хвост в зубы.

Да практически со всеми, чего уж там.

Рейс немилосердно задерживают и переносят, уже который раз кряду. Сперва Сэ еще пытался дергаться следом за меняющимися объявлениями, потом наплевал и с тех пор так и сидит где упал, изредка только косит темным глазом на табло, проверяя, что посадка не начинается в ближайшие пять минут и мчатся со всех ног, меняя дислокацию, пока не нужно. К тому же выходу, возле которого просиживает время Арно, уже назначен другой совершенно рейс, не на Париж совершенно, а вовсе даже на Токио. И Арно грешным делом думает, что он, возле этого выхода сидя, еще рейса три-четыре успеет проводить, прежде чем в его собственном путешествии наметятся хоть какие-то подвижки. Окосевший от бесконечных интегралов мозг потихоньку начинает отказывать, и теперь Арно в основном занимается тем, что, несмотря на свои довольно скромные художественные способности, рисует на очередном листке бумаги знакомые лица. Волосы, остриженные как попало, уже недостаточно длинные, чтобы можно было затянуть их в тугой хвост, но все еще и не короткие, свисают со лба и ушей и щекочут глаза, когда юноша в усердии низко склоняется над бумагой. Первой Сэ изображает наставницу, затем лицо Арлетты у него очень логично и плавно перетекает в лицо Дарсии, где Арно безуспешно пытается выхватить карандашом сходство матери и дочери, но как-то проваливает эту задачу, как ни крутись. Точеный и прохладный профиль Ингрид юноша вырисовывает почти робко - она и нарисованная, кажется, способна нахмурить ровные полукружья бровей и посмотреть так, что сразу станет ясно: она не одобряет и ей не нравится. А следом на бумаге постепенно начинает появляться лицо Маргариты - свою сестренку, которую уже давным-давно почему-то не получалось увидеть, Арно вырисовывает медленно, с некоторым усилием вызывая в памяти знакомые черты и все время опасаясь, что выходит не похоже. Это его пугает; вот так уедешь, и все лица вообще сотрутся, и не останется ничего, кроме непохожих карандашных набросков.

Маргарита Эрнандес

После странного и, в каком-то смысле, неожиданного для нее самой решения отправиться в Токио Маргарита некоторое время находилась в состоянии не прекращающейся бурной активности. Сделать следовало тысячу дел: решить вопросы с нынешней работой, закончив все текущие проекты в кратчайшие сроки, договориться с принимающей стороной, связаться со всеми людьми, с которыми ей стоило встретиться до отъезда и освободить съемную квартиру. Причем в

последнюю, ей уже, похоже, не суждено было вернуться, поскольку вероятность того, что она простоит пустой хотя бы пару месяцев стремилась к нулю.

Но вот все дела были завершены, и настал день вылета, что рождало у Маргариты двойные чувства. С одной стороны, после предыдущего визита ее тянуло в Японию, но с другой, она прекрасно понимала, что влезает в какую-то очередную авантюру, способную не только разнообразить ее относительно стабильную жизнь, но и подкинуть новых проблем, к которым рыжая могла быть и не готова. Поэтому в аэропорт она приехала, полная надежд и сомнений, из-за чего мало смотрела по сторонам, предпочитая полностью погрузиться в свои мысли. Так что появление практически перед самым ее носом очень знакомой светлой шевелюры, стало для Риты полнейшей, но, несомненно, приятной неожиданностью.

- Арно? Арно! - Собственный вопрос тут же перешел в радостный возглас, когда рыжая убедилась, что глаза ее не обманывают. - Я же половину монастыря перетрясла, чтобы тебя найти, а в итоге напоролась в аэропорту. Ты где все это время прятался?

Маргарита без приглашения уселась рядом и сгребла молодого человека в охапку, кажется, роняя при этом что-то из его вещей. Она была безумно рада видеть своего названного братика и уже давно перестала надеяться на новую встречу, поскольку судьба словно специально постоянно их разводила, уводя одного оттуда, где вскоре должен был появиться другой.

Арно Сэ

Как ни погружен Арно в свои рисунки - на собственное имя, прозвучавшее совсем рядом, да еще и произнесенное таким знакомым голосом, он реагирует исправно. Сэ тут же вскидывает голову, крутит льняной башкой по сторонам, выискивая взглядом Маргариту. А у Риты преимущество, потому что она замечает его первой и уже видит, и налетает теплым радостным вихрем, сгребает в охапку прежде, чем Арно все-таки успевает сообразить, с какой именно стороны ее выглядывать.

Но разве же в этом есть что-то плохое?

- В анабиозе? - смущенно предполагает Арно, у которого у самого нет объяснения тому, где он прятался и как они с Маргаритой умудрились в монастыре столько времени расходиться по разным тропинкам, хотя вот, Рита же его даже искала. Необъяснимо, натурально мистика какая-то. Сэ безропотно выпускает из рук листы бумаги, которые Маргарита сгребает в сторону локтем, позволяет им спланировать на пол, кому куда, и только прихватывает одной рукой стакан с кофе, по-прежнему опасно балансирующий на колене, а другой рукой крепко обнимает Риту в ответ. Арно ласково говорит: - Я очень по тебе скучал, - и почти тут же морщится, как от зубной боли: - Блин, только встретились, и вот наверняка же сейчас опять разбежимся. У тебя куда самолет? - в эти мгновения Арно неистово желает всем рейсам отложиться еще как минимум на пару часов, потому что кто знает - вдруг они сейчас разбегутся по разным городам, и больше пересечься уже и не выйдет. И потому хочется эту, *возможно-последнюю* встречу растянуть как можно дольше, и это ужасно печально, что ни от Арно, ни от Маргариты это, по сути, не зависит.

Маргарита Эрнандес

Судя по его словам, Арно тоже никак не мог понять, как им удавалось столько

времени не пересекаться, когда она регулярно бывала в монастыре, стараясь исправно отдавать свой мастерский долг. Но, похоже, у судьбы на их счет были какие-то свои планы, с которыми Маргарита была в корне не согласна, не понимая почему все значимые для нее люди, так или иначе оказывались далеко, словно кто-то еще в детстве наложил на нее проклятье вечного одиночества.

- Я тоже безумно соскучилась, - сообщила рыжая, прижимая Арно к себе так сильно, что ему уже давно было положено начать кричать и вырываться. - Это просто издевательство какое-то - столько времени не видаться. Только от Арлетты о тебе и слышала.

Вопрос про самолет быстро вернул Маргариту к печальной реальности, в которой им приходилось уже в ближайшее время снова расстаться и отправляться каждому своей дорогой. И это показалось ей настолько несправедливым, что рыжая с большим трудом удержала себя от желания стукнуть кулаком по чему-нибудь не являющемуся Арно и спалить половину дурацкого аэропорта, который постоянно заставлял ее с кем-то прощаться.

- В Токио, - без особого энтузиазма сообщила она. - Мне все не сидится на одном месте, так что договорилась несколько месяцев поработать там. А ты во Францию собрался?

На ее памяти Арно никуда надолго не отлучался из монастыря, поэтому все происходящее вызывало Маргариты нехорошие подозрения. *Что если она видела своего названного братика последний раз?* При таком раскладе Маргарите совершенно не хотелось выпускать его из объятий, пусть она и понимала, что сидеть так вечно не представлялось возможным.

Арно Сэ

- От Арлетты? И что сифу Давенпорт обо мне говорила? - едва уловимо напрягается Арно. Переносчик новостей из наставницы своеобразный, имеющий порой обыкновение не церемониться и резать сразу по живому да по больному. Поэтому Арно вполне закономерно тревожит, как Арлетта отрекомендовала его желающей узнать все последние новости Маргарите. Хорошо, если только лоботрясом. - Это всё поклев и не про меня, так и знай!

Хотя наверняка все было про него, конечно. Уж чего-чего, а привычки художественно приукрашивать у неё нет и не было никогда.

- В Париж собрался. Хотя, похоже, вряд ли доберусь, - уточняет Арно. И рукой, которой держит стакан с остывшим кофе, описывает в воздухе сложную загогулину, тыкая пальцем в сторону табло. Там напротив рейса на Париж по-прежнему красным глазом горит надпись "Delayed" - ну вот и горела бы она там вечно, пока что Сэ это очень даже устраивает, это всё лишние минуты, в которые Маргарита может его обнимать. Какое тут "кричать и вырываться" - напротив, врати бы в неё крепче крепкого, всеми косточками-ребрами, чтобы не отрываться больше никогда, не уподобляться вновь блудному хвосту.

Врати бы накрепко, да вряд ли Маргарита такой довесок к себе одобрит.

- Если оставишь адрес, куда тебе писать, буду слать открытки. С Эйфелевой башней и Елисейскими полями. Или, хочешь, в Пари-Сен-Жермен кого-нибудь украду и перешлю тебе бандеролью. И будет у тебя личный футболист экстра-

класса, - нарочито дурашливо говорит Арно, всеми силами стараясь не развести под глазами подозрительную мокрость, и пока у него это успешно получается. - "Несколько месяцев" - это примерно сколько? А потом ты обратно в монастырь вернёшься или ещё куда-то поедешь? - Честно сказать, идея с адресом нравится Арно все больше. Как будто это оставит между ними с Маргаритой незримую тоненькую нить, и расставание уже не будет таким фатальным и насовсем.

Маргарита Эрнандес

- Не волнуйся, ничего такого страшного она про тебя не говорила, - Маргарита усмехнулась на попытку Арно откреститься от возможных рассказов о его приключениях. — Так, только самые основные моменты. Иначе откуда бы я узнала, что ты где-то в монастыре, а не ушел отшельничать куда-нибудь в горы?

Конечно, Арлетта рассказывала не только это, но Рита решила не вдаваться в подробности, чтобы не провоцировать новые приступы любопытства.

- Конечно, адрес я тебе оставляю. И телефон... А то вдруг пригодится. - Прямо сейчас лезть за блокнотом, в котором был записан адрес квартиры, где ее должны были поселить, не хотелось, поскольку для этого нужно было выпускать Арно из объятий. А на такой подвиг Маргарита пока было не готова. — Против футболиста ничего не имею, если он симпатичный и умеет работать по хозяйству.

Она засмеялась, представляя, как открывает огромную посылку, обнаруживая в ней ничего не понимающего человека, с опаской прижимающего к себе футбольный мяч.

- Пока обговорен срок до четырех месяцев. — Ей и самой не нравилась некоторая неопределенность, но в работе над некоторыми проектами трудно было поставить конкретные сроки, поскольку отдельные этапы их реализации имели обыкновение длиться дольше, чем это изначально планировалось. — А потом я сразу в монастырь отправлюсь. Мне же надо учеников проводить, а то из меня мастер какой-то бесполезный получается.

Невозможность в ближайшее время отправиться в Линь Ян Шо рождала у рыжей некоторые угрызения совести, но она понимала, что отказаться от своей работы антропологом в пользу наставничества не могла, поэтому старалась совмещать свои активности всеми возможными способами.

- А ты сам надолго в Париж?

Маргарита некоторое время колебалась, прежде чем решилась задать этот вопрос, поскольку очень боялась услышать на него ответ «насовсем». Но желание знать правду победило, поэтому рыжая на время замолчала, так и не разжимая объятий, боясь посмотреть в глаза своему названному братику и все понять еще до того, как он успеет вымолвить хотя бы слово.

Арно Сэ

- Из потаенных горных пещер меня бы выгнали. Как позорящего славное братство отшельников. Я же трепло, ну. Так что ты зря переживала, - убежденно говорит Арно. И делает мысленную пометку: ага, приглядеть для Маргариты в ПСЖ кого-

нибудь толкового и работающего, в смысле, по домашнему хозяйству. То есть, звёздный Неймар, пожалуй, все-таки не подойдёт.

- Телефон - это просто шикарная идея. У меня наконец-то появится повод вспомнить, как им пользоваться, - с убийственной серьезностью сознается Арно. Точнее, это даже будет ближе к "освоить" : до Линь Ян Шо юноша никогда толком в руках мобильного не держал, потому что ещё был для такой техники, по мнению матери, мелковат и лопоух чрезмерно, а в Линь Ян Шо уже попросту было нечего, да и незачем. Так что Сэ в этом плане можно сказать, пещерный, дикий человек. Чудо, что от мерцающих повсюду ультратонких смартфонов не шарахается.

А вот по поводу "надолго в Париж", это вопрос интересный, это Арно и сам хотел бы знать ответ. Именно в этом месте планы у него довольно смутные и размытые. Арно честно так и сознается: - Сам пока не очень точно понимаю. Как пойдёт. Но года на три-четыре, наверное, вряд ли меньше, - хотя, если Сэ провалится на вступительных экзаменах, то придётся тут же разворачиваться обратно до монастыря. Вступительных экзаменов Арно, чего уж там, побаивается: вот они, неподдающиеся тренировочные задачи, взирают с пола уккоризненным интегральным зраком. - Чтобы я мог твой адрес записать, тебе, наверное, надо немножко меня отпустить?...

А ещё Арно опасается, что в Линь Ян Шо он может больше не вернуться - но старательно глотает и давит эту мысль. Вернётся, когда-нибудь обязательно вернётся, конечно, там же столько почти уже родных людей осталось.

Маргарита Эрнандес

- Да ладно, они бы быстро к тебе привыкли и потом никуда бы отпускать не захотели. — Учитывая свой собственный опыт, когда она сначала злилась на Арно из-за всякой ерунды, а потом прониклась его очарованием, Маргарита не сомневалась, что трогательный белобрысый паренек мог растопить даже самое холодное сердце.

- Ну вот, будет повод приобщиться к современным технологиям. Так сможешь не только открытку с Эйфелевой башней прислать, но и себя на ее фоне, причем намного быстрее, чем по почте.

Сама Маргарита уже не представляла себе жизни вне монастыря без телефона и ноутбука, поскольку ей постоянно приходилось пользоваться ими по работе, но она прекрасно понимала, как тяжело было Арно после долгого отрыва от бешеного ритма крупных городов, погрузиться в мир всевозможных гаджетов.

- Три или четыре года... - Маргарита почувствовала, как подтверждаются ее худшие опасения. — Это же кошмар как долго! Хотя я и сама проторчала несколько лет в Испании, пока училась в университете, а потом там же и работала, пока меня не потянуло в монастырь.

То, что очередная разлука снова должна была затянуться как минимум на несколько лет, удручало. Такими темпами, даже пару-тройку встреч лет так за десять можно было считать великим везением, а Маргарита не относилась к числу людей, способных долго ждать неизвестно чего неизвестно когда, поэтому решила сделать все, чтобы сохранить хотя бы какой-то контакт с человеком, к которому успела сильно привязаться.

- Ладно, - она нехотя выпустила Арно из объятий и полезла в сумку за блокнотом. Скопировать японский адрес, который пока ни о чем ей не говорил, и добавить номер телефона и электронный адрес, было делом пары минут, после чего Маргарита торжественно протянула вырванный листочек. – Вот, будем на связи. А то вдруг я решу как-нибудь в Париж отправиться или тебя неожиданно понесет в Токио или вернет обратно в Пекин, а мы упустим возможность встретиться.

Что-то подсказывало Маргарите, что все это больше походило на нереалистичные фантазии, но она привыкла надеяться на лучшее, даже если понимала, что вероятность подобного будущего, была меньше десяти процентов.

Арно Сэ

Арно с сомнением молчит - отшельники все-таки, как правило, не девушки, чтобы проникнуться обаянием и распахнуть тёплые и мягкие объятия, а Сэ неоднократно замечал, что его плюшевое обаяние в основном только на девушек и производит впечатление, а юноши в большинстве своём не проникаются, к ним в доверие так просто не проникнуться.

Зато телефон как фотокамера - вот это уже отличная идея, не вызывающая у Арно ни сомнений, ни вопросов. Сэ максимально честно и серьёзно обещает: - На фоне хоть Эйфелевой башни, хоть чего угодно, только попроси. - Ему нравится, как их линия связи с Маргаритой, изначально лишь пунктирно обозначенная обещанием писем, стремительно ширится и на глазах становится все более объёмной и чёткой. Живое общение лицом к лицу, конечно, вряд ли что-то заменит, но чем больше таких "заменителей", тем лучше.

Пока Маргарита вырывает из блокнота лист и переписывает на него адрес и телефон, Арно вспоминает, что его собственные записки до сих пор ещё рассыпаны по полу и надо бы это исправить. Самое ценное там, это, конечно, лист с рисунками, а остальные черновики не столь важны, но Арно, верный доктрине "не мусорить", честно подбирает все листы. И заканчивает с этой маленькой приборкой как раз в тот момент, когда Маргарита заканчивает писать.

- Если меня вдруг понесёт в Токио или в Пекин - уж будь покойна, я все каналы связи оборву, но донесу до тебя эту новость, - обещает Арно. Цепко вчитывается в блокнотный лист, пытаюсь затвердить на память адреса и телефон, на случай, если ухитрится потерять ценную записку, а потом прикладывает к листу с рисунками и дважды загибает угол, чтобы не расцепились. Ценные вещи должны держаться друг за друга: когда их сразу много, этот драгоценный ком тяжелее прохлопать длинными ушами.

- Я бы тебе тоже сразу что-нибудь написал, но пока не представляю себе, ни где буду жить, ни откуда буду звонить, - виновато говорит Арно. Юноша со свойственной ему безалаберностью полагает, что эти проблемы он уж как-нибудь решит на месте. Это же, в конце концов, напрямую зависит от количества лично им прикладываемых усилий, ну так и в чем может быть проблема. - Но как только узнаю, так сразу, - неловко заканчивает Сэ, пытаюсь придумать, о чем ещё можно говорить, кроме нависающего над макушкой расставания, на котором их, кажется, вот-вот зациклит. - О, ты же мастером стала? А я тебя и не поздравил, вот олень рассеянный. Поздравляю! А давно ты? Я совсем этот момент почему-то упустил, прости, - виноватится Арно. Хотя казалось бы, про нового мастера всем ученикам должны были донести. Ан нет, прооленил.

Маргарита Эрнандес

Маргарита внимательно проследила за тем, чтобы блокнотный листочек с ее контактами никуда подевался, обрывая еще толком и не установившуюся связь. Но Арно, похоже, думая в том же ключе, старательно его изучил, чем немного ее успокоил. Вероятно, судьба все же решила над ними сжалиться, послав возможность окончательно не потерять друг друга, после того, как сама же старательно и разводила их в разные стороны.

- Ну, если я соберусь в Париж, ты тоже узнаешь заранее. Учитывая мои постоянные путешествия, я бы не посчитала это чем-то нереальным. Да и во Франции я не была, так что, при возможности, обязательно постараюсь это исправить.

Пусть ближайшие несколько месяцев у Маргариты уже были расписаны, никто не мог гарантировать, что после Японии и монастыря ее не понесет еще куда-нибудь помимо Испании, в которую тоже следовало ненадолго заскочить, чтобы провести родителей.

- Буду ждать от тебя сообщения. Кстати, по поводу фотографий. Мы вполне можем сфотографироваться вместе сейчас, а потом я тебе перешлю фото. Так, даже несмотря на расстояние, мы всегда сможем вспомнить момент, когда были вместе. Идея показалась Маргарите настолько хорошей, что она уже была готова залезть в сумку за телефоном, но потом решила притормозить, чтобы дать Арно право дать свое согласие. А то вдруг, он не горел желанием красоваться на одной фотографии с подозрительной рыжеволосой особой с испанским паспортом и, ни разу не испанской, внешностью.

- Да вроде уже давно, - Рита крепко задумалась, пытаясь вспомнить, когда ее сделали мастером, и по всему выходило, что это было больше полутора лет назад. – После того, как вернулась в монастырь, сначала помогала Арлетте, а потом меня по совокупности заслуг перевели в мастера. Наверное, дело уже к двум годам идет...

В отдельные моменты, связанные с проблемными учениками, Маргарите казалось, что она тянет эту ношу целую вечность, но, как бы там ни было, в этом своем статусе она старалась быть полезной и не забывать о своих обязанностях мастера даже сильно увлекаясь обычной работой.

Арно Сэ

Арно не спешит в ответ клясться в том, что его скорое появление в Париже или, там паче, в Токио лежит в области событий, которые сбудутся с высокой вероятностью. Хотя тут не угадаешь, конечно - бывают же всякие программы двойного диплома и прочее бла-бла-бла, так что, может, шансы не такие уж и призрачные. Как знать. Но слова Маргариты о том, что она в Париже вполне может появиться, юношу радуют. Сэ расплывается в широченной улыбке от уха до уха и обрадованно говорит: - Что же, тогда буду тебя ждать!

Как Хатико. Долго-долго и верно-верно.

- Сфотографируемся конечно! - утвердительно кивает Арно. Ему кажется, даже размышлять над этим предложением неправильно в корне; это возможность поймать их ускользающую встречу за тёплые запястья, запечатлеть мгновение в

объективе камеры как в янтаре, и сберечь навсегда, и всегда помнить, что оно было. Арно, со свойственным ему порой дурным романтизмом, воспринимает эту идею с нездоровым энтузиазмом. И с лёгким возмущением говорит: - Мы с тобой столько лет знакомы, а у нас ни одного совместного фото даже нет, что за дела вообще. Нет, так порядочные люди не живут. Давай-ка срочно исправляться, - и не суть важно, что скамейка в аэропорту выглядит далеко не лучшим задником для совместного фото. Когда стоит ребром вопрос, появится ли у них с Маргаритой наконец хоть одна совместная фотография, тут даже думать не о чем.

Маргарита Эрнандес

- Ну, раз будешь ждать, я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы приехать к тебе в гости. В конце концов, могу же я хоть раз устроить себе отпуск.

До настоящего момента слово «отпуск» казалось Маргарите странным набором букв, не имеющим никакого отношения к ее наполненной постоянной работой реальности. Но сейчас оно заиграло новыми красками, маня обещанием чего-то приятного и не имеющего никакого отношения к антропологии или наставнической деятельности.

- Да, безобразие полнейшее. Надо срочно что-то с этим делать. – Маргарита залезла в сумку, вытащила из нее смартфон и, приобняв Арно, вытянула руку и начала ей водить в разные стороны, чтобы выбрать лучший ракурс. В итоге, остановившись на понравившемся ей варианте, рыжая сделала сразу несколько фотографий, чтобы потом выбрать из них хоть одну приличную, поскольку имела обыкновение получаться совсем не так, как хотелось бы ей самой. Ну или вся проблема была в частой женской беде – излишне критичному отношению к собственной внешности.

- Мда... - протянула Рита, пролистав все фотографии и передав смартфон Арно, чтобы он тоже мог их оценить. – Преимущественно, страшна, как смертный грех. Ну да ладно. Все равно попробуем что-нибудь выбрать.

Пусть она и не осталась в восторге от результатов своей игры в фотографа, Маргарита резонно посчитала, что наличие любых, даже не самых удачных совместных с Арно фотографий, намного лучше, чем их отсутствие. Поэтому, после некоторых колебаний, рыжая решила радоваться имеющемуся, а не переживать из-за неидеальной внешности или пары прыщей, которые, при желании, легко можно было убрать.

Арно Сэ

- Отпуск - это правильно. Отпуск надо брать, нечего его на работе просиживать, - уверенно говорит Арно, почему-то даже не чувствующий, а словно бы точно знающий, что Маргарита именно то и делает. Просиживает на работе. Но Арно надеется, она этой привычке изменит, особенно теперь, когда слово "отпуск" должно означать для неё не что-то туманное, а что-то конкретное и хорошее. Вечернее зелёное золото Елисейских полей, ажурную иглу Эйфелевой башни и непременно встречу, которая дрожит вдали тёплой искрой зовущего фонаря. Так сочинил, что самому захотелось немедленно встретиться, хотя они с Маргаритой и расстаться-то пока не успели.

Фотографироваться Сэ не умеет хронически: его бестолковый лоб вечно влезает в объектив самым что ни на есть дурацким, никому не нужным образом. Но Арно делает искреннюю попытку всё же справиться с этой бедой, слегка припадает к обнимающей его Маргарите, чтобы глазу камеры было проще охватить их обоих, растягивает широкий рот в улыбке, а волосы, как назло, в самый неподходящий миг свисают со лба и лезут в глаза. Арно недовольно щурится, пытается их сморгнуть - и, в целом, не может поклясться, что хотя бы на одной фотографии получился с открытыми глазами.

Когда же Маргарита передаёт ему телефон на "посмотреть", Арно с облегчением выясняет, что хотя бы с парой кадров повезло и можно не думать, как ловчее пририсовать зрачки на закрытых веках.

- Я вообще на фотографиях выгляжу как черт пойми что, ну и что? Нам их не на конкурс фотографов отправлять и не в портфолио вставлять. Забей, - уверенно советует Арно. Возвращает Маргарите телефон и задушевно добавляет: - Это же фото для нас с тобой. В том числе, для меня. А я знаю, что в жизни ты очень красивая, и никакое фото меня в обратном не убедит. Я - знаю. Для меня это истина, я храню её здесь, - говорит Арно, коротко касаясь ладонью груди. Не говоря уже обо всем остальном, за что Маргариту так безумно любить нужно, о той истине, которую никакой фотографией не поймать и не передать, которую только сердцем знать и помнить надо.

Маргарита Эрнандес

По выражению лица Арно Маргарита пришла к выводу, что тот тоже не слишком впечатлен получившимся результатом, но его окончательный вердикт прозвучал даже мягче, чем она рассчитывала, да еще и закончился комплиментом в ее адрес, что не могло не порадовать рыжую.

- Спасибо, приятно слышать. - Рита счастливо улыбнулась. - А то я из-за постоянной работы постепенно начала забывать о том, что являюсь женщиной и вроде как даже привлекательной. Да и в монастыре теперь приходится постоянно "надевать" образ мастера. Представляешь, кое-то даже начал меня опасаться.

Говоря о настоящем, Маргарита старательно обходила тот факт, что во время их первых встреч с Арно внушала белобрысому пареньку если не страх, то уж явно не самые положительные чувства к собственной персоне. Но что поделать, тогда она была очень молода и импульсивна, а еще по какой-то причине умудрилась вбить себе в голову наличие чуть ли не коварного плана у Арно по похищению всего выделенного на учеников времени наставницы.

Теперь, после десяти с лишним лет, все это казалось Маргарите полнейшей глупостью, но, в любом случае, даже в ее дурацком поведении тех лет имелся один положительный момент - благодаря своим нападкам она умудрилась сблизиться с Арно, превратившегося для нее из соперника в названного братика.

Арно Сэ

- Ну еще бы! Я, знаешь ли, одно время тоже тебя опасался. Думал: ты как дашь четырем когтями сразу, и прощай, моя физиономия, - заявляет Арно. И улыбается - сам он уже вспоминает об этом не иначе как с теплотой. Подумать только, свою замечательную сестренку он когда-то боялся хуже, чем огня. Какое счастье, что

длилось это время очень недолго, а потом прошло без следа, заменившись теплыми, почти что родственными отношениями. - Так что вполне могу представить, как ты страша в гневе. Что - ученики бузят? Кто-то нарывается на порку?

Вообразить себе подобную ситуацию очень легко - вот ходит какой-нибудь фрукт, делает вид, что правила поведения не про него писаны, и тут на него вылетает разъяренная Маргарита и вбивает наглеца по уши в землю. Сам Сэ таким в Линь Ян Шо никогда не баловался (или баловался, но нарвался на такое наказание, что травмированный разум в ужасе потер все воспоминания об этом случае), зато периодически наблюдал подобные выкрутасы со стороны других учеников и учениц, так что в общих чертах может мысленно набросать такой скетч.

- Ну, кто бы там ни начал тебя опасаться - я верю, что ты раздаешь исключительно заслуженную кару, - чуть торжественно говорит Арно. И ласково склоняет набок бестолковую башку: - Брось, там еще наверняка полно людей, которые тебя любят. Можно их прикладывать к больным местам, как теплых котов. Не могла же ты внушить священный ужас всему монастырю разом. Это даже для тебя чересчур.

Маргарита Эрнандес

- Неужели я была настолько страшная? - усмехнулась Маргарита, вспоминая, как ругалась на Арно за то, что он отнимает слишком много времени Арлетты и вообще весь из себя белый и пушистый. Хотя сейчас нечто подобное казалось рыжей чем-то совершенно диким. С годами он стала заметно спокойнее и перестала нападать на людей только за то, что их поведение ее чем-то не устраивало. И даже начала находить в подобных вещах приятные моменты, если конечно ее не начинали провоцировать на отрывание чьей-нибудь глупой головы.

- А ученики, конечно, не всегда радуют, - с невеселых вздохом призналась Маргарита. - Была тут у меня парочка итальянцев, постоянно устраивающих настоящие представления. Еще и, зная, что я в кошку превращаюсь, мышь мне подсунули. Юные экспериментаторы. - Сейчас вспоминать о подобных вещах было даже забавно, но в первое время она только и думала, как бы кого прибить. Естественно в педагогических целях.

- Всему монастырю я, конечно, священный ужас не внушаю, - не стала спорить рыжая. - Есть у нас мастера и пострашнее. А что до людей, которые меня любят... - Маргарита ненадолго замаялась, но потом все же добавила. - Без тебя на одного станет меньше.

Ей до сих пор трудно было представить монастырь без своего трогательного братика. Даже не видя его, рыжая чувствовала, что он где-то рядом, ходит по одной с ней земле, а тут вместо долгожданной встречи - аэропорт и очередное расставание, от чего на душе, даже несмотря на все данные обещания поддерживать связь, становилось как-то совсем грустно.

Арно Сэ

- Ты умеешь быть грозной, - честно отвечает Арно. И мягко улыбается: - Но разве это плохо? Посмотри, как изо дня в день грозна Бо-джи. Все на всякий случай приседают и трясутся, но едва ли это кому-то мешает хорошо к ней относиться. Я вот грозным быть не умею. Только в мягкую игрушку умею превращаться. Так что в этом плане - я тебе даже немножко завидую, - вздыхает Арно. В монастыре такого

почти не случилось, чтобы его внешнюю плюшевую мягкость приняли за бесхребетность и попытались сесть ему на шею - а вот вне монастыря периодически случается, и вот в это самое "вне" Сэ собирается окунуться на несколько лет. Здесь бы очень кстати было ценное умение оскалить зубы и прикинуться разъяренным тигром, но чего нет, того нет. Арно даже за разъяренного оленя особенно не сойдет, потому что рога сквозь него толком не проглядывают.

Печально это всё, конечно.

Когда Маргарита начинает рассказывать об итальянцах-дебоширах, Арно хмурится - это, во-первых, кто-то, кто умудрился пройти мимо него незамеченным, потому что никакие средиземноморские дебоширы ему сходу не припоминаются, а во-вторых, на дне памяти начинает шевелиться когда-то плотно учимый, а после этого так же плотно забытый итальянский. Причем шевелиться в части не самых приятных слов. Следом Арно представляет, что ему кто-нибудь предложил горсть сена на том основании, что он в звероформе четыре копыта отрачивает, и задает, как ему кажется, вполне логичный вопрос: - Ну, ты ведь им вернула любезность? Выпорол их за такую тактичность?

Тема разлуки на неопределенный срок, конечно, продолжает висеть между ними и то и дело сквозит в разговоре. Когда Маргарита говорит, что без Арно в монастыре станет на одного любящего ее человека меньше - это, с одной стороны, соответствует действительности, с другой стороны, звучит как-то очень щемяще. Сэ розовеет скулами и неуклюже оправдывается: - Ну, я же все равно у тебя буду, просто теперь на другом расстоянии. И все равно буду тебя любить - а еще, подожди, это все равно как-то тухло звучит. Шляпа, а не утешение, да? - невесело усмехается Сэ. Ну, расставание - это вообще всегда невесело, каким углом ни поворачивай.

Маргарита Эрнандес

- До Бо-джи мне далеко, как до Парижа пешком, - улыбнулась Маргарита, вспоминая, как и сама в свое время вздрагивала, ловя на себе суровый взгляд. - А тебе и не нужно быть грозным. Может, ты и не способен внушать страх, зато у тебя есть другие преимущества. На тебя просто невозможно злиться - уже через пару секунд начинает хотеться затискать тебя до смерти. - Собственно, что-то подобное с ней в свое время и случилось, когда они "делили" их общую наставницу. Точнее, делила она, требуя себе кусок побольше, в то время, как Арно пытался понять, чем умудрился заслужить ее немилость. Но, в итоге, все закончилось благополучно, если не считать возникшей сейчас необходимости прощаться с Олененком на неопределенный срок, имеющий все шансы растянуться на долгие годы.

- Пороть не педагогично, - покачала рыжая головой. - Хотя иногда очень хочется. - Но кое-как мы с ними разобрались. - За время всей этой возни с учениками Маргарита успела сто раз соскучиться по тем временам, когда сама имела полное право создавать проблемы, а не героически их решать. Но, к ее огромному сожалению, практически каждый шаг вперед прибавлял очередной мешочек с ответственностью, тащить который приходилось исключительно на своем горбу.

- Да уж, звучит не слишком вдохновляюще, - честно призналась Рита, не слишком впечатляясь обещанием любить ее на расстоянии. И словно вторя ее невеселым словам, прозвучало неприятно режущее ухо объявление, сообщающее, что для прощания им с Арно остались буквально какие-то считанные минуты. - Ну вот, мне

уже пора. Как-то совсем нечестно получается. - Маргарита до сих пор не могла понять, почему высшим силам или зловредной случайности захотелось долгое время прятать от нее названного братика, чтобы вытащить его на свет на какое-то совершенно несерьезное время. Но пытаться повлиять на малопривлекательную реальность не имелось ни малейшей возможности, а потому оставалось только смириться и идти на свой самолет, довольствуясь обещанием поддерживать связь на расстоянии.

Арно Сэ

- Для чистоты суждений нам бы с тобой махнуться ампула на денек. Уверен, тебе бы не очень понравилось в моей шкуре вечного Бэмби. Хотя в отдельные моменты, конечно, прикольно, - говорит Арно, толкая очень глупую мысль с очень серьезным лицом. Секунды три он серьезное лицо держит, честно стараясь. Потом, конечно, срывается. И широко улыбается во весь лягушачий рот: - Хорошо-хорошо, уговорила. Я чертовски обаятелен и силой своего обаяния смогу покорить весь мир - в хорошем смысле, само собой. Это моя врожденная сверхспособность, - правда, помнится, Маргариту она очаровала далеко не сразу. Арно в какой-то момент вообще был близок к тому, чтобы лишиться скальпа с лицом вместе, так и не растопив сердца девушки своей оленячьей бестолковостью. Ну да ладно, было и было. И быльём уже давно поросло.

Разговор прерывает очередное объявление - и нет бы аэропорт оповещали о том, что рейса на Париж кое-кто еще в ближайшие часа три не увидит, как своих ушей, так нет же. Это, наоборот, Маргариту выкликают на её рейс до Токио. И явно не будут ждать, пока она всласть наговорится с Арно. Ужасная, гадская, вселенская справедливость - но как прикажете с ней сейчас бороться? Никак, ее даже не боднешь толком, растил-растил раскидистые рога, а проку от них никакого. Понимая, что они с Маргаритой вот-вот распрощаются и, возможно, в худших традициях трагедий, на веки вечные, Арно торопливо выдирает из груди своих беспорядочных листков тот, на котором карандашом по мере его скромных художественных способностей набросан портрет Риты. И твердо говорит: - Вот, держи. На память, - нелепый, почти жалкий подарок, еще бы на салфетке нацарапал, но лучше уж так, чем совсем никакой памяти.

На языке вертится ещё просьба передать привет Ингрид, если будет такая возможность, - но Арно эту просьбу глотает, ни к чему грузить таким названную сестренку. И, когда Маргарита уходит на свой рейс, Сэ остаётся всё так же торчать на скамейке. Только теперь чувствует себя совсем уж одиноко.
